
УДК 930.1 (321)

ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ КАК СРЕДСТВО УКРЕПЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Панищев А.Л.

*Курский институт кооперации, филиал Белгородского университета, Курск,
e-mail: aleksepanishhe@rambler.ru*

Данная статья посвящена теме взаимосвязи древности институтов государственной власти и авторитетности государства как в сознании её нации, так и в сфере международной коммуникации. Глубокие исторические корни институтов власти имеют определённое значение в обеспечении стабильного социально-политического развития страны.

Ключевые слова: история, государство, институт государственной власти, сознание нации

THE HISTORY OF NATIONAL GOVERNMENT INSTITUTIONS AS A MEANS OF STRENGTHENING THE STATE

Panischev A.L.

*Kursk Institute of Cooperation, Belgorod University branch, Kursk,
e-mail: aleksepanishhe@rambler.ru*

This article is devoted to the correlation between an ancient of institute state power and an authority state in the consciousness her nation and in the field of international communication. Deep historical roots of institute state power have same significance in the providing to constant social and political development of country.

Keywords: history, state, institute of state power, nation's consciousness

История нации есть многогранный процесс, обязательно включающий в своё русло национальную культуру. Именно она являет собой фундамент для её развития в качестве цивилизации и составляющей компоненты мировой истории. Важнейшим элементом культуры является её традиция. Традиция (от лат. *traditio* – передача) – элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в определённых общностях в течение длительного времени. Традиции охватывают разнообразные стороны жизни нации, среди которых выделим институт царской власти. Таковой институт является традицией не только в смысле преемственности от поколения к поколению, но и в отношении формирования национального сознания. Не случайно понятие царь фигурирует во многих мифах народов мира. Не выпуская из виду функции мифов, среди которых выделим формирование моделей социального поведения и социальной иерархии, обратим внимание на то, что мифы занимали важное место в жизни общества, находящегося на начальном этапе своего исторического развития и становления своей государственности. Институты государственной власти также составляют культурную традицию народов, а их значение фиксировалось в мифах. Невозможно обойти вниманием то, что на заре исторического развития народов выделяется мифология в качестве формы мировоззрения. Под мифологией обычно понимают способ осознания мира, опирающийся на эмпирический

и чувственный опыт, включающий в себя представления, зачатки знаний, эстетического мироощущения, веру в сверхъестественное и определённую систему ценностей.

Мифы очень тесно связаны с традицией. В отношении мифа к традициям принято выделять четыре уже парадигмально сложившиеся позиции:

Мифы дают основание для культурной традиции; дают санкцию существующим обрядам, идеологии, обычаям и социальным отношениям; объясняют порядок мироустройства.

Мифология проникает в самые различные сферы жизни и может быть извлечена не только из повествовательных текстов, но из наблюдений за праздниками, обрядами, способов обращения с материальными предметами.

Традиционность является глубоким свойством мифологии, ибо мифы не создаются людьми вторично, а передаются им по традиции. Это то, что даёт индивиду ощущение его единства со своим народом, его прошлым и будущим.

Мифология является не только частью культуры конкретного народа, а частью мифологической традиции всего человечества.

Мифы выполняют разнообразные функции, обращённые как к коллективному, так и индивидуальному сознанию. Здесь будет уместно вспомнить следующую функцию мифа: восполнение недостающего исторического опыта, на основании которого происходит развитие народа. Миф – источник

исторически недостающей «пищи» для духовной, логической и образной работы сознания человека при осмыслении мира и себя. Итак, мы видим, что мифы на заре истории этносов, народов питают их мышление такими образами, которые позволяют социальному организму переходить на более высокие этапы своего развития.

Тем не менее, даже в случае перехода на новый социальный виток развития, общество сохраняет в своём коллективном сознании ряд тенденций, свойственных не только мифологическому мировоззрению, но также и государственной идеологии. Так, в начале данной статьи, где пишется о позициях традиций относительно мифов, было выделено следующее: мифология подчёркивает не только внутреннее единство рода, но и его связь со всем человечеством. Этот фактор ещё более ярко выражен в религиозном мировоззрении, где народ в целом и человек в частности рассматриваются как участники единой мировой истории, начало которой положено от сотворения мира Богом. Кроме того, народы, преодолевшие мифологическое мировоззрение и перешедшие к религиозному, рассматривались как активные участники исторического процесса. Если мы обратимся к литературе Древней Руси, то заметим, что древнерусская книга, как правило, представляла собой одновременно и законченное в смысле словом отношении произведение, и идеи, органично включённые в мировую историю. Так, древнерусские писатели начинали свой труд чаще всего с описания мировых событий, связанных с сотворением мира, с жизнью ветхозаветных Адама и Евы, со всемирным потопом, с рождением Иисуса Христа... Это подчёркивало взаимосвязь событий всемирной истории с жизнью тех героев, о которых повествуется в литературном произведении. Д.С. Лихачёв о памятниках древнерусской литературы пишет так: «Древнерусскую литературу можно рассматривать как литературу одной темы и одного сюжета. Этот сюжет – мировая история, и эта тема – смысл человеческой жизни... Исторических сочинений великое множество. Но одна их особенность изумляет: говоря о событиях истории, древнерусский книжник никогда не забывает о движении истории в её мировых масштабах» [2, 10]. Вот почему древнерусская литература представляет собой своеобразный сюжет мировой истории, в котором тема смысла человеческой жизни является центральной. Всё это требовало развитого кругозора, богатого мышления не только книжника, но и читателя. Достаточно вспомнить «Повесть временных лет», где перечисляются города, реки, другие географические пункты, охватывающие очень большие про-

странства, в которых и современный человек без карты не всегда грамотно ориентируется. Подчёркнём, в русской литературе обращает на себя внимание скромность писателя, его кротость и смиренномудрие. Д.С. Лихачёв недаром подметил следующую особенность: «Литература Древней Руси не была литературой отдельных писателей: она... была искусством надындивидуальным» [3, 6]. Древнерусский писатель не стремился к личной славе, и искусство книгописания для него не являлось средством для самолюбования и наживы – он писал, стремясь свидетельствовать о православной вере, истории человеческого рода и об истинности христианской веры.

Следовательно, мы видим, что культурная традиция народа и в мифологическом, и в религиозном мировоззрении стремится подчеркнуть его сопричастность мировой истории, его место в едином общечеловеческом процессе исторического развития. Чем более древней культурной традицией обладает народ, тем больше у него оснований для постулирования своей значимости среди остальных народов. Это обстоятельство в условиях становления национального сознания и, стало быть, государственности как формы человеческого бытия принимает особое значение – народ, обосновавший то, что именно он сохранил исконную традицию, претендует на звание титульной нации, иначе говоря, на центр, вокруг которого консолидируются остальные народы и образуется государство.

Следует отметить, вышеперечисленные обстоятельства осознавались издревле ещё в древних цивилизациях. Однако при государственной ответственности представителей власти это осознание предрасполагало их к защите идеологии своего государства как внутри его (то есть среди народов, объединённых вокруг титульной нации), так и вне страны (то есть среди других государств). В условиях конкурентной борьбы за жизненные пространства, ресурсы и право на лидерство в системе межнациональных отношений тема древности страны и её культуры время от времени становилась объектом для манипуляций в социально-политических целях. При этом традиции, социальные институты наделялись ореолом древности, не всегда имея на то достаточные основания или полноту доказательств о своём древнем происхождении. Если же какой-либо народ оказывался в зависимости от иного государства, то древность культуры этого народа умалывалась, преуменьшалась, иногда замалчивалась и в течение жизни нескольких поколений могла быть предана забвению.

В современном мире сохранилось немало государств, история народов которых

берёт начало с древнейших времён. В Азии среди таковых уместно выделить Корею, Китай и Индию. Разделённость Кореи на два совершенно разных, в идеологическом и военно-политическом отношении противостоящих друг другу государств, не позволяет корейцам претендовать на значительную роль в современных геополитических процессах. Что же касается Китая и Индии, то тут ситуация совершенно иная. Китайская Народная Республика и Индия вошли в XIX век относительно сильными и едиными странами с независимой государственной политикой, со значительными людскими и сырьевыми ресурсами. Время от времени представители китайской интеллигенции напоминают как своим согражданам, так и гражданам иных стран о древности своего государства. Разумеется, после того, как США политикой геноцида многих народов, растления наций захватила первенство в геополитических процессах, тема древности культурной традиции потеряла свою особую остроту (США как государство возникли лишь в 1776 году). Тем не менее Китай и Индия по-прежнему остаются значимыми участниками международных отношений, вес и интересы этих стран нельзя игнорировать. Китай и Индия в своей внешней политике всегда следовали собственным национальным интересам, вступая в отношения с иными странами, включая Россию, лишь по мере того, насколько эти отношения полезны для них самих. В последние два десятилетия Китайская Народная Республика, проникнувшаяся чувством своей силы, проводит активную политику, направленную на освоение культур народов соседних стран и популяризацию китайской культуры на внешнеполитической арене. Вероятно, освоение культур иных народов объясняется давно известной мудростью: нация владеет своей страной настолько, насколько освоило культуры народов, проживающих в ней. Что же касается собственно китайской культуры, то её элементы постепенно усиливают своё значение в жизни соседних народов. Так, в России за последние десять лет китайский язык стал гораздо более популярным, нежели в недавнем прошлом. В российских общеобразовательных школах Дальнего Востока китайский язык уже занял своё место в учебных программах. Философия Древнего Китая также популяризируется, и институты имени Конфуция как в самом Китае, так и вне его открываются почти каждый год. Все эти обстоятельства создают этическую и идеологическую основу для укрепления позиций Китая как в ближайшей, так и в отдалённой перспективе.

Вместе с тем, говоря о древности китайских традиций и достижений в сфере куль-

туры, всегда важно помнить о критической функции науки, о доказательной базе, исходящей из нескольких отдельных областей научного знания. Далёко не всегда подтверждается древность ряда элементов китайской цивилизации, которые в общественном сознании закрепились как непреложный пример традиций из глубокого прошлого. В этом отношении примечательна статья Кима Александрова «Китайская грамота», в которой автор резонно ставит под сомнение древность ряда феноменов и достижений китайской цивилизации. Так, К. Александров обращает внимание на то, что в классическом труде «История государства киданей» Е Лун Ли солнечные затмения указаны на 992, 994, 998, 999, 1002, 1004, 1007 годы и так далее. «Даже если речь идёт о частичных, но хорошо заметных (не говоря уже о полных) феноменах, то в целом полушарии их не бывает с такой частотой» [1, 20]. В этой же статье отмечается то, что в Китае долгое время отсутствовали навигационные и астрономические приборы, даже такие, как угломер и секстант [1, 21]. Все эти обстоятельства предрасполагают к выводу, согласно которому многие достижения китайцы либо приписали себе, либо существенно преувеличили как по значимости, так и по древности. Тем не менее бесспорным является патриотизм китайцев, осмещающих историю своего государства таким образом, чтобы она включала в себя феномены древности, работающие на интересы Китая на любом этапе исторического развития, включая современность.

Что касается Индии, то древность её государственности настолько пронизана мифологией, что очень сложно проследить преемственность между современной Индией и государственными образованиями, существовавшими на Индостане со времён Хараппской цивилизации. Здесь наглядно проявляется особенность мышления индусов: реальность и воображение для многих индийцев – несоизмеримые величины. Постоянно нарушаемое между ними равновесие слишком часто придает произведениям индийской культуры гипертрофированность в выражении идей и фантастичность описаний. Такое положение дел происходит зачастую от того, что внешние условия, в которых живёт индеец, не всегда в состоянии соответствовать его представлениям о должном. Духовный мир индийца, как и любого человека, несравненно богаче, нежели окружающее его бытие. Однако он не вступает в конфликт с внешним миром, не стремится к его разрушению, но индеец его наполняет миром собственной культуры. Поэтому сведения о любом древнем поселении с более или менее выраженным административным

центром в индийских преданиях может дойти до современника как о крупном государстве с развитыми институтами власти. Так или иначе, но рядовой индеец предельно чётко знает то, что его родина – пример древнейшей цивилизации, хранящей ценности духовной и материальной культуры человечества. Для сопоставления с Индией или Китаем, отметим, что современный исламизированный Египет не признаёт своей преемственности с древнеегипетской цивилизацией, рассматриваемой как чуждый исламу период варварства – джахилии. Стало быть, не каждая страна в силу особенностей исторического развития смогла сохранить идею, связывающую её государственность с древнейшими временами. Нации, которым удалось это сделать, не без успеха используют национальное чувство сопричастности древним цивилизациям для укрепления своего идеологического и политического положения в современном мире.

Обращаясь к истории России, мы также вправе ожидать постулирование древности феноменов национальной культуры и институтов государственной власти. Однако в действительности нередко отмечаются совсем иные тенденции в отечественной историографии. В качестве примера возьмём институт царской власти. Парадигмально в учебниках по истории России пишется, что первым царём в России является Иоанн IV Грозный, венчавшийся на царство в 1547 году. Однако у людей, интересующихся историей России за пределами школьной программы, возникает правомерный вопрос о статусе таких правителей, как Иоанн III Великий и Василий III. Этих правителей обычно называют Государями всея Руси, хотя так же величали и предшественников Иоанна III.

Разумеется, здесь вопрос древности института царской власти в России затрагивает незначительное по длительности время, поскольку период правления Иоанна III Великого отделён от времени царствования Иоанна IV Грозного лишь половиной столетия. Однако вопрос исторической справедливости требует внимательного рассмотрения данной темы. Тот факт, что Иоанна III называли царём, пусть и не регулярно, а периодически, является давно известным, отражённым в ряде публикаций [2]. На печати Иоанна III написаны такие слова: «Иоанъ Б(о)жиею милостию господарь всея Руси и велики кн(я)зь». Конечно, Иоанн III не проходил чина Венчания на царство, как это было сделано в случае с его сыном Дмитрием, который в силу придворных интриг был лишён власти в пользу Василия. Последний также носил титул царя, что было зафиксировано в его государственной печати следующими слова-

ми: «Великий Государь Василий Божией милостью царь и господин всея Руси», а также в договоре от 1514 года с императором Священной Римской империи Максимилианом I. Несмотря на эти обстоятельства, первым русским царём в России принято считать Иоанна IV Грозного. Действительно, в 1547 году он был венчан на Царство, его царский титул был признан Англией и Священной Римской империей. Впрочем, католический мир по-прежнему не признавал Иоанна IV в качестве царя, что было объяснимо к тому времени ставшей систематической агрессией католицизма против христианского мира. Вполне возможно, что протестантские, англиканская церкви признавали царственность русских правителей, в определённой мере, в силу их конфронтации с католическим миром. Однако думается, что статус русских государей не следует ставить в зависимость от мнения правителей западноевропейских стран, которые и в XXI веке не желают видеть в России суверенное государство с самостоятельными институтами власти.

В современной России политическая обстановка в целом контролируется властями, которые подтверждают свою дееспособность, однако нельзя однозначно утверждать то, что международная и внутривнутриполитическая обстановка стабильна и неуязвима. На фоне последних геополитических процессов, эскалации ряда вооружённых конфликтов говорить о стабильности политического развития большинства стран затруднительно. Стало быть, важен комплекс мер, направленных на упрочнение авторитета государственной власти в сознании граждан. Так, необходим сам исторический опыт нации, предрасполагающий граждан к искренней любви к своему Отечеству, к своему народу, высокой нравственности в своём образе жизни, поскольку именно эти факторы более всего укрепляют веру народа в силу, в жизнеспособность своей государственности. Среди факторов, конструктивно влияющих на историческое сознание нации, отметим историю как науку, призванную честно, объективно защищать авторитетность, традиционность, нравственный смысл государства. В России – стране с её богатым историческим прошлым, в котором высветляются массовые подвиги русских людей, их героизм, высокая духовность – объективная защита государства представляется делом честным, не противоречащим этическим нормам.

Список литературы

1. Александров Ким. Китайская грамота / Ким Александров // Машины и механизмы. – 2014. – № 5 (104). – С. 18-23.
2. Конец нашего рабства // Историк. 2015. – № 10 (Октябрь).
3. Лихачёв Д.С. Литература Древней Руси / Д.С. Лихачёв // Изборник. Повести Древней Руси. – М.: Художественная литература, 1987. – С. 4-20.